

ФИЛОСОФИЯ ПОБЕДЫ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Е.В. РОЧНЯК

Горловка, ГОУ ВПО «ГИИЯ»

История Второй мировой войны постоянно на пике внимания. И не только у старшего поколения. Художественные фильмы, телевизионные передачи, компьютерные игры на эту тему привлекают внимание и молодежи. А атрибуты того времени – ордена, оружие, военная форма – стали ценнейшими раритетами для коллекционеров и превосходят по стоимости антиквариат более ранних исторических эпох. Это потому, что люди подсознательно понимают значение этого величайшего события мировой истории.

По своей сути Вторая мировая война была событие библейского масштаба, которое в очередной раз разделило миро-

вую историю на две части – до и после. После её окончания были созданы новые государства, новые экономики и экономические системы. Главными ценностями цивилизации на продолжительное время стали: принцип мирного сосуществования, демократические свободы, социальное развитие и благополучие. Везде это проявилось по-разному. У нас – через так называемую «хрущёвскую оттепель» и шестидесятиничество, на Западе – в движении хиппи и сексуальной революции, на Востоке и в Африке – в падении колониальной системы и возрождении национальной государственности. Но для всех это была эпоха открытия новой жизни, бурного развития, великих надежд и свершений, на основе которых и был создан современный мир.

Вторая Мировая война вывела цивилизацию на новый технологический уровень. В ходе войны были созданы ядерные технологии, которые не только определили политическую картину послевоенных десятилетий, но и нашли широкое применение в народном хозяйстве. Экономический и бэби-бум 50–60-х годов XX века во многом способствовал созданию материальной основы современной цивилизации. Война стала новой точкой отсчета и в международных отношениях. Поэтому можно сказать, что Вторая мировая война – главный эпос современной истории. Как Илиада для Античности или библейская история для Средневековья. Вот почему эта война по-прежнему, спустя столько лет – предмет пристального внимания.

Вторая мировая война является первой в истории человечества «философской войной». Нет, конечно, экономические причины тоже играли немаловажное значение. Ведь, как говорил Карл Маркс, «политика – это концентрированное выражение экономики». И это истинная правда.

Однако во второй мировой впервые на сцене истории активным участником выступает государство, созданное по некому новому принципу. Идеология этого нового государства, народы которого в конечном итоге и станут победителями в этой войне, странном образом возводится к диалектической философии Гегеля. Вообще существует такая точка зрения, что собственно вся Вторая Мировая война произошла

исключительно из-за появления в истории принципов философии абсолютного идеализма, сформулированных Гегелем в первой половине XIX века!

Система абсолютного идеализма Гегеля очень простая. Основные два понятия в ней – «диалектика» и «абсолют» или «абсолютное, всеобщее мышление». Сам Гегель неоднократно поясняет, что абсолют или абсолютное, всеобщее мышление в его философской системе это то же самое, что и Бог в религии. Представление о боге есть религиозное понимание абсолютного, но последнее может пониматься и научно-философски. И поскольку философия – это не религия, то в ней речь идет не о вере в абсолют, а о его познании.

Диалектика, которую вскоре вслед за Плехановым и Лениным так возвеличили большевики, сделав ее инструментом политики, в системе Гегеля оказывается основным принципом как самой философии, так и принципом развития этого абсолюта – Бога. Бог не может развиваться иначе, чем относясь отрицательно к себе самому, различая себя от самого себя и возвращаясь к себе из этого различия. Диалектика есть принцип бытия (и самомышления) этого абсолютного.

Философия *немецкого* идеализма, таким образом, бросила вызов базовой на тот исторический момент религиозной форме духа. Всеобщий разум, в который религия призывала только верить, философия раскрыла как форму научной системы. Этот пафос логики и разума выскользнул из духа гегелевского учения и как «призрак» принялся бродить по Европе... Вскоре он достиг и земли Российской империи, где был активно воспринят. Вспомним известное в свое время выражение К.арла Маркса: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма».

Выскользнув из университетских аудиторий, попав на «улицу» эта философская гипотеза, теряет свое научное содержание и переходит в политический пафос, требующий немедленного разрушения прежнего государства, основанного на непосредственном религиозном чувстве (*Весь мир насилья мы разрушим До основанья, а затем Мы наш, мы новый мир построим, – Кто был ничем, тот станет всем.* – Интернационал). В этом своем качестве «диалектика» стано-

вится принципом построения идеологии молодого государства – СССР. Эта идеология получила название коммунистической, а позже более конкретизированное – «марксистско-ленинской».

В своей философии истории Гегель рассматривает историю народов как историю развития общего для всей истории разума. Оно идет таким образом, что один или несколько народов проникаются тем духовным принципом, для которого настало время реализации. Проникнутость народа необходимостью мирового духа делает этот народ всемирно-историческим. Пока народ верен этой необходимости, он является самым главным во всемирной истории – на его стороне право всемирного разума. Все другие народы чувствуют это и уступают ему. Но если всемирно-исторический народ не успевает стать вровень с требованием развития духа (а так чаще всего и было), то он неминуемо должен передать эстафету другому народу, который уже воспринял новый, более высокий принцип развития разума. Вот этот переход с почвы одного народа на почву другого Гегель называет «соприкосновением» всемирно исторических народов. То есть для того, чтобы один народ уступил место другому необходимо, чтобы эти народы вошли в некое соприкосновение, включающее как разнообразные культурные связи, так и военные столкновения. Соответственно, из этих военных столкновений всегда выходит победителем только тот, на чьей стороне «право мирового духа».

Характерно, что инициатором этих «соприкосновений»-войн, как правило, является тот народ, чье право уже клонится к закату. Словно устав от своего всемирно-исторического бремени, он как будто ищет своей духовной смерти, стремясь к господству над тем народом, которому он и передаст свою великую эстафету. Так, мы видим, как духовный принцип Востока, находящийся в персидском государстве, упорно стремится в Грецию. Греческий мир, когда приходит его время, сам стремится на северо-запад, чтобы стать в итоге провинцией Рима. Рим, в свою очередь, сам втягивает в свою орбиту племена варваров, которые низвергнут его полуантичное, полухристианское величие и начнут развивать хри-

стианский принцип до той высоты, которую сам Рим не мог взять...

Соответственно этому «принципу соприкосновения» мы должны рассмотреть, как происходит соприкосновение тех народов, которые будут передавать один другому уже не эстетическую и не религиозную идею, а философскую.

Находясь на периферии христианской цивилизации, славянский мир долгое время находится во власти языческого влияния. Однако, воспринимая христианскую идею непосредственно из ее античного источника, славянский мир с самого начала ставит себя в противоречие с развитием религиозной идеи на Западе. Таким образом, мировая история уже с самого начала кладет внутри христианского мира противоречие, которое является для него основным и по сегодняшний день.

Этот независимый от духа западного христианства характер проявляется даже в том, что славянам удается создать свою собственную форму письменности. Часть славян при этом не успевают приобрести автономии. Они становятся сателлитами западного христианства, что находит свое выражение и в их алфавите, основанном на латинице. Мы же знаем, что коммунистическая идея наиболее мощно была воспринята славянами, которые были более всего независимы от западного христианства, т.е., восточными и южными славянами или теми, кто имел свою независимую культуру.

Итак, противоречие между германским и славянским духом начинает беспокоить Запад еще во времена татаро-монгольского ига. И Запад стремится разрешить его, вторгаясь ещё в лице крестоносцев в пределы славянских племен. Пиками этого противоречия можно назвать времена отечественных войн – 1812 и 1941-45 гг. Историческая самостоятельность славянского мира постоянно беспокоит христиано-германский мир. Дух славян, однако, ему так и не удается сломить, а, наоборот, славяне последовательно входят в качестве победителей в два самых существенных духовно западно-христианских города: Париж (столицу средневековой, католической мысли) и Берлин (столицу реформированного, протестантского христианства).

Кстати, противоречие никуда не делось. Просто сместилось географически. Это мы сегодня тоже прекрасно видим.

Некоторым историкам хотелось бы представить триумф Александра I и Жукова как триумф православной идеи над идеей католической и протестантской. Однако достаточно трудно свести коммунистическую идеологию к православной идее. Поэтому Вторую мировую войну мы должны рассматривать как внешнее выражение столкновения второго момента абсолютного духа – религиозного – с третьим, – философским. Первым, как известно, был мифологический.

Эту необходимость перехода исторического лидерства с почвы одного народа на почву другого отмечает и Гегелем при рассмотрении реализации в истории христианской идеи. Так, например, он показывает, как христианская идея зарождается еще на почве мифологии античного мира – в Древнем Риме. Однако дух римлян не может начать строить свое объективное бытие всецело на началах христианства. Он сильно завязан на эстетизме античного духа. Именно эта историческая закоренелость римлян приводит к тому, что для дальнейшего развития религиозной идеи требуются новые, духовно «девственные» народы, которые начнут строить свою жизнь, свои государства исключительно на основе христианской идеи. Этими народами становятся варвары-германцы. Они вторгаются в Рим, разрушают все старое и начинают сначала. И христианство становится принципом нового строительства.

Нечто подобное мы наблюдаем и при переходе от религиозной идеи к философской. Сама философская идея – это плод западно-христианского мира. Но она появляется «на закате» этого мира. Христиано-германский мир не успевает воспользоваться результатами своего собственного плода и упускает его уже на почву других народов. Западный мир пугается философской идеи, которая порождает идею коммунизма. Новое, нерелигиозное ему кажется чем-то чужеродным. Именно эта историческая закоренелость духа приводит к тому, что для реализации нового принципа необходимы «новые варвары». И этими варварами стали славяне.

Столкновение народов во Второй мировой войне на эмпирическом уровне имеет вид столкновения двух «тоталитарных» государств или идеологий: коммунистической и нацистской. Мы уже знаем, из какого духовного источника проистекает коммунистическая идея и какое место в ней занимает философия Гегеля. В не меньшей степени обязана духу философской науки и идеология фашизма, с той только разницей, что эта связь здесь имеет более отрицательный характер.

Кризис религиозной идеи на почве западных народов проявил себя в том, что, с одной стороны, началось построение идеологии коммунизма, базирующейся на разрушительном характере «диалектики» Гегеля. В создании этой идеологии приняли широкое участие многие русские интеллигенты и, прежде всего, Бакунин, который напечатал целый цикл статей в «Немецких ежегодниках» о необходимости «диалектического отрицания истории».

С другой стороны, кризис христианского авторитета выразился в том, что сознание отдернулось назад – в область чувства. Чувство же слишком скользкая и неопределенная почва. Чувствовать можно как необходимое, так и случайное. Именно свойственный религиозной форме иррационализм привел к тому, что содержанием чувственного стала родовая, природная определенность духа, оформившаяся в теорию расового превосходства.

Фашизм и коммунизм, таким образом, оба оказываются результатом кризиса религиозной идеи. Собственно, на их схожесть не раз обращали внимание исследователи. Начиная с глобальных моментов – идея мирового господства, полное уничтожение врага (по классовому или расовому признаку), плановая экономика и заканчивая некоторыми культурно-бытовыми моментами.

Т.к. мощь фашизма первоначально превосходит дух народов традиционного христианства, то Европа быстро падает под его натиском. Именно тогда наступает время государства, основанного на той же идеолого-философской базе. Из самих советско-германских сражений необходимо остановиться на Сталинградской битве, так как именно она является

основным поворотным моментом в этой войне, моментом, в котором принцип разума доказывает свое превосходство над религиозно-иррационалистическим принципом.

И хотя столкновение у берегов Волги было внешне обусловлено не спором о том, является ли «чистое бытие» тождественным с «ничто», необходимо отметить, что в своей внутренней сути смысл этого столкновения был все же по поводу толкования параграфов «Науки Логике». Вернее даже будет сказать, что в данном случае сталкиваются не «две школы гегелевской философии», а в лице этих двух государств и их армий сталкиваются сами эти категории гегелевской системы!

Коммунистическое государство сознательно делает стержнем своей идеологии «диалектику Гегеля» и пропагандирует пафос разума. В то время как фашистское государство в качестве принципа своей идеологии имеет иррационалистический пафос мистического религиозного чувства (вспомним, хотя бы Ананербэ – организация, существовавшая в Германии в 1935–1945 годах, созданная для изучения традиций, истории и наследия германской расы с целью оккультно-идеологического обеспечения функционирования государственного аппарата Третьего рейха или эзотерическое общество «Туле» с его идеей жизненного пространства – Lebensraum).

Поражение германской армии в Сталинградской битве часто объясняют холодами (знаменитая «русская зима»). Но Волго-Донской край – это не Сибирь. Климат там незначительно различается от климата в центральной Европе. Поэтому апелляция к особенностям природы является лишь выражением неспособности найти духовные причины поражения Германии в этой войне.

Широко известным является тот факт, что на бляхах ремней солдат третьего рейха было написано: «Gott mit uns» – «С нами бог». Трагическая ирония истории состояла в том, что бог уже не был с ними, так как бог, согласно Гегелю, уже вообще оставил религиозную форму как недостаточно себе соответствующую. Бог усилиями немецкой же культуры выразил свою природу в определениях диалектической философии.

фии, которая была догматически положена в основу идеологии не немецкого государства, а славяно-азиатского СССР. Славяне, татары, узбеки, армяне и даже монголы в этот момент были более верны духу самой немецкой культуры, чем сами немцы. В лице советского народа германцы в волжских степях встретились со своим зазеркальем, с духом своей собственной культуры, который уже не принадлежал только им, а был объективирован.

К моменту Сталинградской битвы советский народ укрепился в осознании своей принципиальной исторической правоте: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!». Данную фразу нельзя рассматривать только как идеологическое клише сталинской пропаганды. Это внутреннее убеждение в том, что «право всемирной истории» принадлежит в этой схватке именно ему. Именно эта убежденность в своей правоте, чувство единства поколений, духовная солидарность народов в борьбе с фашистскими захватчиками и стали основой победы и своеобразного возрождения на мировой политической и дипломатической арене.